

Ноосфера Вернадского – это нравственный подход

Чтобы разобраться в творческом наследии выдающегося мыслителя, 24 томов оказалось маловато

Андрей Ваганов Ответственный редактор приложения "НГ-Наука"

Академик Эрик Галимов представляет 24-томное собрание сочинений Владимира Вернадского. Фото Александра Паутова

Что делает то или иное явление банальностью? Только его несомненная истинность. Вот и в данном случае, как это ни банально звучит, в России произошло событие большого культурного значения: в конце апреля в Государственном геологическом музее им. В.И. Вернадского в Москве состоялась презентация 24-томного собрания сочинений Владимира Ивановича Вернадского. Впервые в таком объеме, с такой полнотой в научный и культурный оборот поступает обобщенный свод трудов нашего выдающегося соотечественника, естествоиспытателя и общественного деятеля. Об этой фигуре, о значении трудов академика Вернадского и об особенностях 24-томного собрания его сочинений с ответственным редактором «НГ-науки» Андреем ВАГАНОВЫМ беседует составитель и научный редактор этого издания, директор Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН, председатель Комиссии РАН по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского Эрик

ГАЛИМОВ.

– Эрик Михайлович, хочу вас поздравить с большой работой – выходом под вашей редакцией собрания сочинений Владимира Ивановича Вернадского. Но все же, на ваш взгляд, зачем нужны такого рода проекты, кроме, конечно, сугубо научной, историко-археографической ценности? Сегодня, в век Интернета и виртуальных текстов на электронных носителях, зачем нужны эти 24 тома большого формата на бумаге, в виде книжного кодекса?

– Выпуск собрания сочинений – это культурное событие. Это обращенный к современникам призыв включить данного автора в программу своего культурного развития. Владимир Иванович Вернадский не только выдающийся ученый в области минералогии, кристаллографии, геохимии, создавший новые направления в науке о Земле и жизни, но прежде всего мыслитель, человек, который воплощает в своей личности то, к чему мы должны стремиться в нашем национальном менталитете.

Что касается Интернета, то электронные носители не отменяют книг. Подобные опасения уже охватывали общество: что кино вытеснит театр, фотография устранил живопись. Но этого не случилось. Развитие вообще идет не таким путем. Не совсем по Дарвину. Не путем вытеснения предшественников, а путем расширения возможностей. Млекопитающие не вытеснили пресмыкающихся. Наряду с человеком продолжают существовать в биосфере простейшие микроорганизмы, появившиеся 4 миллиарда лет назад.

Каждое общество, каждая культура должны оставить после себя некие осязаемые артефакты, в данном случае книги, которые можно взять в руки, ощутить их объем, почувствовать стоящую за книжными томами личность, ощутить прикосновение к пластам истории и культуры. Никакие электронные гаджеты или DVD этих ощущений не дадут. Зато они обеспечивают быстрый доступ, компактное хранение. Так что всему свое место.

– У Вернадского достаточно сложная история публикаций его работ. Некоторые работы 60–70 лет не публиковались, то же «Живое вещество и биосфера».

– Впервые избранные сочинения Вернадского в пяти томах были опубликованы в 1954–1960 годах под редакцией академика Александра Павловича Виноградова, возглавившего после смерти Вернадского в 1945 году созданную им лабораторию биогеохимии. Впоследствии эта лаборатория стала знаменитым институтом геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского Российской академии наук. Позже публиковались отдельные книги, в том числе в 1978 году «Живое вещество и биосфера», о которой вы упомянули.

В 1985 году была создана Комиссия Академии наук по разработке научного наследия В.И. Вернадского под руководством академика Александра Леонидовича Яншина. Главной целью комиссии была подготовка к изданию собрания сочинений Вернадского. Но сразу приступить к изданию собрания сочинений оказалось невозможно. Многие труды Вернадского, исключительно интересные дневники и письма оставались в рукописях и требовали большой подготовительной работы. Было принято решение издавать отдельные книги, посвященные разным сторонам творчества ученого, в рамках серии «Библиотека трудов академика В.И.

Вернадского». В работе над отдельными выпусками принимали участие крупные ученые и специалисты. За прошедшие годы удалось опубликовать практически все научные труды Владимира Ивановича и большую часть его дневников.

В 2013 году состоялось 150-летие В.И. Вернадского. И комиссия решила отметить этот юбилей изданием, наконец, долго ожидаемого собрания сочинений Вернадского. Научное редактирование поручили мне.

Академик Вернадский: «...Владение большими запасами радия дает владельцам его силу и власть», 1910.

Фото из тома 5 собрания сочинений В.И. Вернадского

Но так случилось, что и работа составителя пала на меня. Фидан Тауфиковна Яншина, которая была мотором нашей комиссии, ушла из жизни в 2011 году. Долго болел и в следующем году ушел из жизни Владислав Павлович Волков, проделавший скрупулезную работу над восстановлением дневников Вернадского. На их помощь я рассчитывал в первую очередь. Но мне много помогал ученый секретарь нашей комиссии Вячеслав Степанович Чесноков. В целом составление собрания было заключительной частью выполненной до этого огромной работы.

Главная трудность, как оказалось, была – достать деньги на издание. Хотя был указ президента Владимира Путина о праздновании 150-летнего юбилея Вернадского, реальной помощи от правительственных структур добиться не удалось. Не дало результата и обращение к частным «меценатам». Профинансировать эту работу – 7,5 миллионов рублей – удалось за счет средств Российской академии наук. Руководители крупных научных программ Президиума Российской академии наук академики Николай Павлович Лаверов, Анатолий Иванович Григорьев, Виктор

Анатолий Матвеев и участники программы, которой я руковожу, выделили часть средств из своих ограниченных ресурсов. Вместе мы набрали эти 7,5 миллионов и передали издательству «Наука».

И тут я должен сказать слова признательности руководителю издательства «Наука» Владимиру Ивановичу Васильеву, который сумел организовать издание в течение года всех 24 томов. Это просто рекорд – издать 24 тома за год! К счастью, мы успели все сделать до «реформы» Академии наук.

– Да, это вроде публикации государственной энциклопедии...

– Хорошо, что вы упомянули энциклопедию. Здесь тоже финансовая проблема, только не получившая пока того счастливого завершения, как собрание сочинений В.И. Вернадского. Я говорю об издании Большой Российской энциклопедии. Я думаю, не нужно объяснять значение подобного энциклопедического издания. Повторяю, это – некий культурный пласт, который наше время оставляет за собой. Любая крупная нация стремится это сделать. Англия, Германия, Франция. В СССР была Большая советская энциклопедия – «синее издание», «красное издание».

Россия решила издать свою Большую Российскую энциклопедию. Был указ президента Владимира Путина. Научно-редакционный совет возглавил президент РАН Юрий Сергеевич Осипов. С 2002 года энциклопедия начала издаваться в 50 тысячах экземплярах. К настоящему моменту вышло из печати 22 тома. Большая часть того, что намечено.

Финансировало это издание государство через Министерство культуры. Министерство закупало все эти тома, распределяло по школам, библиотекам, университетам. Издательство на эти деньги продолжало свою деятельность. Для того чтобы вести работу, нужно иметь тираж минимально в 30 тысяч экземпляров. Но в 2013 году тираж сначала сократили до 30 тысяч, а потом – до 17 тысяч. Но что это значит? Вот, у вас есть 22 тома энциклопедии, после чего вам говорят, что вы не получите следующих томов. Никогда у вас уже не будет полного издания. Томов же предполагалось 35. Таково положение на сегодняшний день.

Это – то же отношение, что и к нашим попыткам получить финансирование под собрание сочинений Вернадского, несмотря на официальный указ президента России. Энциклопедия, так же как и собрание сочинений Вернадского, – это культурное явление в нашей жизни. Как можно этим пренебрегать, тем более Министерству культуры.

– Это собрание сочинений – 24 тома – производит мощное впечатление. Но все-таки некоторые моменты остались мне не совсем понятны. Почему при составлении этого собрания сочинений вы сочли необходимым «...по возможности освободить оригинальные тексты В.И. Вернадского от комментариев, которыми снабжали эти тексты выпускающие редакторы предшествующих изданий? Исключение составляли лишь необходимые справки». Вы же сами сказали, что у Вернадского достаточно много ошибок и, с точки зрения сегодняшнего дня, неправильностей. Мне кажется, что, наоборот, комментарии, поясняющие, где ошибался Вернадский, можно было бы оставить. Это все равно, что сейчас напечатать русский перевод

«Математических начал натуральной философии» Исаака Ньютона без комментариев академика Алексея Николаевича Крылова.

– Если взять одно произведение или одну тему, так можно сделать. Именно такой подход использовался при выпуске «Библиотеки трудов...». Но такие выпуски иногда являются изложением мнений составителей с использованием заглавного автора в качестве отправного текста. Кстати, комментарии могут быть неправильными или устареть. Комментарии преходящие, а сочинение ушедшего автора – вечно.

Нужно понимать, что работы столетней давности не могут служить учебником. Интересны взгляды, интересны прозрения, интересны даже ошибки. Мне нравится то, что по этому поводу сказал Де Бройль, великий физик, математически показавший, что частица может быть волной, а волна частицей. Это не укладывается в человеческое воображение, но это один из принципов квантовой физики. Он говорил: «Всегда полезно поразмыслить над ошибками, сделанными великими умами, поскольку они часто имели серьезные основания для того, чтобы их сделать, и поскольку эти великие умы всегда обладают проникновенной интуицией; возможно, их утверждения, сегодня рассматриваемые как ошибочные, завтра окажутся истинными».

Для меня чуть ли не главная работа как составителя была в том, чтобы вычленив Вернадского из многочисленных комментариев. Я хотел, чтобы это был «чистый» Вернадский.

– Как я понимаю, главной задачей при подготовке «Собрания сочинений...» было собрать наконец вместе труды и дать наиболее аутентичные образцы сочинений Вернадского.

– Конечно, это была главная задача, но и главная трудность. Здесь везде автор – Вернадский, а не кто-нибудь еще, кто поработал над текстом Вернадского.

– Мне понятна ваша логика. Но почему в томах нет указателей – ни именных, ни предметных?

– Они не в каждом томе. Сохранены указатели, которые составлял сам Вернадский. Именные указатели и богатейшие списки литературы, которые Владимир Иванович предпослал к некоторым своим работам, имеют самостоятельную ценность. При знакомстве с ними они дают для всего собрания сочинений ясную картину той общественной и научной среды, в которой жил и работал Вернадский. Сохранены примечания Владислава Павловича Волкова к дневникам. Но я могу согласиться, что в настоящем издании найдется немало недостатков, которые надо будет учесть.

– С 1997 года вы – председатель академической Комиссии по разработке научного наследия Вернадского. Можете вы оценить, сколько текстов Вернадского еще не включено в собрание сочинений?

– Не так много. Не вошли некоторые дневники. Не вся переписка. То есть материал еще есть. Я думаю, что полное собрание составило бы около 28 томов.

– Еще из замечаний. Я не понимаю порядка расположения материалов. Хронология?

– Хронологический порядок действительно очень приблизительный. Первые тома – более ранние произведения, следующие – более поздние. Но это не абсолют. В

каждом томе более важные вещи идут раньше; менее важные, но имеющие значение с точки зрения целостности тома, идут позже. К некоторым темам Вернадский возвращался в разное время.

Первые работы по радиогеологии, в том числе удивительные опережающие время предсказания о роли атомной энергии еще в 1910 году, создание радиевого института и урановые экспедиции в 20–30-х годах. Наиболее основательные работы по кристаллографии и минералогии, за которые он был избран академиком, Вернадский делает еще до революции, но затем возвращается к ним, частично обновляя, например в книге об алюмосиликатах в конце 1930-х. Представления о роли живого вещества он впервые излагает в 1920–1922 годах, затем в учении о биосфере и, наконец, в наиболее зрелой форме, в «Химическом строении биосферы» – книге, которую он называл главной книгой жизни, писал на склоне лет, в 40-е годы, и не успел окончить.

Четкого порядка, связанного с одним фактором, я не пытался придерживаться при составлении томов. Хронология – один фактор, тематика – другой, важность – третий. Я пытался соблюдать некий баланс между ними.

– Я хочу не то чтобы с вами поспорить, но... Получилось так, что в конце прошлого года я побывал на научной конференции в Петербурге. Много внимания было уделено творчеству и личности Вернадского. Но высказывались и сомнения. Вот, например: «По Вернадскому, сталинский режим – это закономерный этап перед наступлением ноосферы». И у него действительно в дневниках есть такие записи.

– Более точно в дневнике он записывал так: «...ноосфера, в которой мы живем, является основным результатом моего понимания окружающего... Сейчас исторически ясно, что большевики, несмотря на многие грехи и ненужные – их разлагающие – жестокости, в среднем вывели Россию на новый путь. Если – как я уверен – есть все основания думать – борьба с Гитлером кончится нашей победой – исторически Ленин и Сталин стояли на правильном пути». В меру своей осведомленности он стремится быть объективным. Он записывает в дневнике в 1944 году: «...большевики справились с основными линиями производства – заводы, металлургия, земледелие. Но почти фиаско мелкой промышленности, без которой жить цивилизованно нельзя».

Но если вернуться к вопросу об отношении Вернадского к той ситуации, о которой вы говорите, то важно отметить следующее. Он рассматривал те репрессии, которые творились в СССР, как безобразие, считал, что это разгул НКВД и т.д. Такого рода записей у него много в тех же самых дневниках. Он за очень многих репрессированных боролся, писал письма в их защиту, пытался спасти.

И еще я хочу заметить, что дневник – это ведь очень специфический источник. В нашем собрании сочинений Вернадского шесть томов посвящено дневникам Вернадского. Именно при чтении дневников выявляется многогранность человеческой личности Вернадского и вызывающие удивление глубокие и прозорливые оценки, которые делает Вернадский на фоне каждодневной жизни.

В то же время дневники требуют очень деликатного прикосновения. Когда человек

что-то публикует, он продумывает текст, продумывает лучшие формы публикации, стремится избежать каких-то крайностей в поворотах мыслей, которые его посещают в обычной жизни. А в дневник он записывает текущую мысль. И поэтому там не всегда присутствует то, что человек исповедует, а то, что довлеет над ним в этот момент.

Главное, что у Вернадского были очень основательные представления о том, как должно быть устроено демократическое государство, к какому будущему мы должны идти, каково соотношение интеллекта с природой вообще и с природой человека в частности. Он рассматривал научную мысль как планетное явление. На какую высоту мышления надо было подняться, чтобы так сказать! Он говорил, что главная производительная сила – это научная мысль. Даже более того: научная мысль – геологическая сила.

Студенты естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета – А. Краснов, В. Вернадский, Е. Ремезов после сдачи экзамена Менделееву, 1882 г.

Фото из тома 1 собрания сочинений В.И. Вернадского

Это ведь замечательная идея – возвышение смысла интеллекта, ценности интеллекта. Мы сейчас нуждаемся в этом – рассматривать интеллект как приоритет.

Кстати, это напрямую связано с сегодняшней проблематикой, если мы обсуждаем, какое место наша страна может занять сегодня в мире.

– **Международное разделение труда.**

– Да. Почему так быстро поднялись Южная Корея, Япония? Они очень тщательные люди. Я видел в Китае нефритовую статую, которую делали 50 лет, поколение за поколением, и конечно, в итоге получается шедевр. И у них такой менталитет.

Поэтому когда нужно было производить тонкую электронику, пусть из чужих проектов, они прекрасно это освоили. У них это легко пошло.

У меня был японский друг, известный ученый Садао Мацуо, покойный ныне. Когда-то, будучи у него в гостях в Японии, ошеломленный увиденным «японским чудом», я позволил себе задать, поскольку мы были друзьями, не очень деликатный вопрос: откуда такой невероятный прогресс? Ведь японская наука довольно посредственная – наверное, в отношении науки я был неправ на самом деле, – почему такие успехи? Он тогда ответил мне: «У нас люди, которые должны организовывать, хорошо организуют, а люди, которые должны исполнять, хорошо исполняют». Я подумал: ну, это банальность. Но потом оценил. Это же очень точная формула. Это и есть объяснение всего. Они хорошо организуют и хорошо исполняют.

А мы относимся к тем, кто не очень хорошо организует и не очень хорошо исполняет. Где наше место? Я, размышляя над этим, подумал, что наше место – в создании интеллектуального продукта. Народ в большинстве очень смысленный. Мы недооцениваем, может быть, именно свою способность производить необычный интеллектуальный продукт.

Вот поэтому я и считаю, что мы должны призвать на помощь тех авторитетов, которые осознавали и ценили это свойство нашего менталитета, считали это главным. Как Вернадский.

– Не случайно же для широкой публики имя Вернадского ассоциируется с таким понятием, как «ноосфера». Мне и хотелось бы ваше мнение услышать по поводу ноосферы. Сейчас многие и часто используют это понятие – от политиков до философов. Что это такое, на ваш взгляд, ноосфера (оболочка разума) – естественнонаучная концепция, философское учение или идеология?

– Вообще-то говоря, Вернадский исходил из того, что ноосфера – это этап развития биосферы. Его мысль состояла в том, что если биосфера развивалась стихийно, в силу физических законов, то с появлением разума возникает совершенно новый фактор, который оказывает влияние на эволюцию биосферы – фактор разума. Он полагал, что разум гармонизирует биосферу, делает ее развитие, я бы сказал, нравственным. Вернадский даже понятие нравственности связывал с развитием биосферы как ноосферы. Хотя, вообще говоря, разум...

– ...холоден.

– ...имеет по крайней мере две стороны – созидательную и разрушительную. Какая из них в данный конкретный момент преобладает, от этого мы имеем определенное развитие истории.

Я-то как раз по-другому смотрю на эту проблему. Этому была посвящена моя книга «Феномен жизни» (Э.М. Галимов. Феномен жизни: между равновесием и нелинейностью. Происхождение и принципы эволюции. М.: 2001; см. «НГ-наука» от 22.05.02. – «НГ-наука»). Я считаю, что цивилизации кратковременны, что разум в конечном счете приводит к концу биосферы. У меня в этом смысле несколько другой подход по сравнению с Вернадским.

– Почему я и «подкинулся» на ту вашу книгу – она мне показалась не просто очередным идеологическим клише, но в ней под свою концепцию вы подводите

строгий термодинамический расчет. Я хочу понять: ноосфера – это просто мыслительная конструкция, семиотический фантом, каких много можно придумать, или все-таки за этим стоит, скажем, какой-то математический или термодинамический расчет?

– Думаю, что этого нет. Здесь больше нравственный подход. И он имеет право на существование – как религия. Религия ведь не имеет обоснования. Или точнее, имеет нравственное обоснование. Вернадский, надо сказать, был религиозным человеком. Притом что он говорил о себе: «Я глубоко религиозный человек, но мне не нужна церковь и мне не нужна молитва».

Учение о ноосфере – это скорее система взглядов. В конечном счете она была изложена в одной-двух публикациях. Вернадский был уверен, что разум гармонизирует развитие биосферы, что от ноосферы мы должны ожидать некоего соответствия нашим нравственным помыслам.

– Спасибо за такое введение в проблему ноосферы. И все-таки как нужно относиться к Вернадскому – как к ученому, как к идеологу, как к философу, как к гуманитарию, просветителю, в конце концов?

– Вернадский – мыслитель-энциклопедист. Находясь на почве научного знания, он идет от фактов к обобщениям. Сначала понимание роли живого вещества в геологических процессах на фактах и числах, затем создание учения о биосфере, приобретающее мировоззренческий характер. Сначала введение в минералогия понятия химии процессов, ведущих к минералообразованию, затем формулировка новой научной дисциплины – геохимии. Как мыслитель он видит явление в развитии.

Возьмите его пророчества в отношении роли атомной энергии! В 1910 году Вернадский выступает на заседании Академии наук с речью «Задачи в области радия». Он говорит поразительные вещи: «...владение большими запасами радия дает владельцам его силу и власть, перед которыми может побледнеть то могущество, какое получают владельцы золота, земли и капитала... перед нами открываются в явлениях радиоактивности источники атомной энергии, в миллионы раз превышающие все те источники сил, какие рисовались человеческому воображению».

– Это, конечно, поразительно!

– Для сравнения. Эрнест Резерфорд в 1919 году уверял: «Атомом для практических целей овладеть невозможно». Альберт Эйнштейн примерно в то же время признавался: «Я не верю в возможность использования атомной энергии в ближайшие сто лет».

Почему Вернадский оказался таким провидцем? Потому что он охватывал своей мыслью явления в их многомерности и в их развитии и на этой основе формулировал философские обобщения. Поэтому он и ученый, и философ, и просветитель.

Но ведь тема нашего разговора, Андрей Геннадиевич, не личность Вернадского, а выход в свет собрания его сочинений. Вы сразу спросили меня, какой смысл в подобных изданиях. Думаю, главный смысл в том, чтобы вызвать уважение к мыслящим людям, к науке. Дать еще один сигнал обществу, что среди многих достойных качеств личности способность к научному мышлению заслуживает преклонения и поддержки еще и потому, что эта способность личности наиболее

продуктивна для общества.